

Чжоу Юньян тяжело дышал, его лицо становилось всё мрачнее. Он понимал, что лучше бы уже сдаться, но понимание и смирение — это разные вещи. Он смотрел на Е Тао, чьё лицо оставалось безучастным, и сжал кулаки под столом:

— Теперь ты говоришь о том, что это неправильно? Разве не слишком поздно? Почему ты раньше не подумал об этом? Кто заставил меня пойти за тобой? Теперь ты всё понял, а я?

Юноша, который обычно улыбался, впервые показал свою ярость перед Е Тао.

— А что мне делать?!

— Успокойся, я не хочу спорить о том, кто прав, а кто виноват.

— Ты спокоен, — Чжоу Юньян усмехнулся, его улыбка была холодной и саркастичной. — Ты настолько спокоен, что я почти не узнаю тебя, Чжоу Юньси.

Снаружи раздался звонок. Баобао не хотел сталкиваться с Чжоу Юньяном и слушать его разговоры о прошлом, поэтому он оставил разбираться Е Тао. Он знал, что это трусость, но ничего не мог поделать — он ещё не был готов полностью отпустить прошлое.

Е Тао отодвинул коробку с подвеской к Чжоу Юньяну:

— Кто-то пришёл, тебе лучше уйти.

Чжоу Юньян машинально взглянул в окно и увидел, что дядюшка Чжоу вошёл во двор. Несмотря на своё раздражение, он был вынужден уйти.

Е Тао надеялся, что сможет спокойно разрешить проблемы между Чжоу Юньси и Чжоу Юньяном, не доводя до конфликта. В конце концов, они жили в одном доме. Но если Чжоу Юньян будет продолжать настаивать, ему придётся рассказать о тех словах, которые Чжоу Юньси услышал перед смертью.

Однако после того неприятного разговора Чжоу Юньян больше не приходил. Через несколько дней он уехал на учёбу. Он поступил в университет в столице, но он находился в другом районе, и дорога туда и обратно занимала несколько часов. Ему пришлось жить в общежитии, поэтому их встречи стали редкими.

После этого Чжоу Юньян долгое время не искал встречи с Е Тао, а при случайных встречах вёл себя вполне прилично. То ли учёба отнимала всё его время и силы, то ли он наконец смирился с разрывом и решил больше не настаивать. Е Тао не любил создавать себе проблемы, поэтому был рад, что Чжоу Юньян оставил его в покое.

Приближался праздник середины осени, и в дом Чжоу стали приходить гости. Но все они принимались в переднем дворе, а внутренний двор оставался тихим и спокойным. К этому времени Е Тао уже почти месяц не выходил из дома.

Е Тао любил тишину и мог долго оставаться в одиночестве, но Баобао уже начал скучать и постоянно приставал к нему, чтобы тот придумал, как выйти погулять.

Е Тао, как с ребёнком, погладил Баобао по голове и утешил:

— Подожди ещё немного. Дядя перед праздником очень занят, у него нет времени на нас. Может, ты пойдёшь погулять с дядюшкой Чжоу?

Баобао надул щёки и покачал головой, его лицо выражало досаду от невозможности выйти на улицу. Китайская домашняя кошка уже начала походить на толстого кота.

На праздник середины осени в школе были каникулы, и Чжоу Юньян вернулся домой, чтобы провести время с матерью. В праздничный вечер они должны были ужинать вместе с Чжоу Цзыцянем и Е Тао, но такой ужин не имел особого смысла. Чжоу Юньян сообщил об этом Чжоу Цзыцяню и не пришёл. Следующие два дня он тоже провёл с матерью.

У Чжоу Цзыцяня в праздники было много дел, но после окончания каникул у него появилось больше свободного времени, чтобы проводить его с племянником. Однако его любимый племянник не хотел, чтобы тот отдыхал дома.

— Дядя, я хочу погулять, пока ещё не стало холодно. Когда похолодает, я никуда не смогу пойти, — Е Тао смотрел на Чжоу Цзыцяня, надеясь, что его взгляд будет выглядеть печально. Хотя Баобао считал, что он всё равно остаётся спокойным, как статуя, лишь с более живым взглядом.

Однако Чжоу Цзыцянь поддался на это. Сказав: «Только начал поправляться, а уже хочешь гулять», он посадил Е Тао к себе на колени и с улыбкой спросил:

— Куда хочешь поехать?

Баобао был и рад, и огорчён: почему его попытки выпросить прогулку не всегда успешны, а Е Тао добивается этого так легко? Почему, чёрт возьми?!

Место для прогулки выбрал Чжоу Цзыцянь. Поскольку здоровье Е Тао не позволяло далеко ехать, они отправились в курортный посёлок за городом, где планировали провести несколько дней.

На этот раз с ними не было друзей, и Чжоу Цзыцянь большую часть времени проводил с племянником. Из-за состояния Е Тао многие развлечения были ему недоступны, поэтому Чжоу Цзыцянь заменил их на те, в которых тот мог участвовать: рыбалка, чаепитие, купание в горячих источниках и даже посещение монастыря, где они слушали проповедь.

Выйдя из монастыря, Е Тао спокойно спросил:

— Дядя, ты веришь в перерождение?

Чжоу Цзыцянь улыбнулся:

— Возможно.

Чжоу Цзыцянь не был верующим, и Е Тао тоже. Но после своего воскрешения он начал понимать некоторые вещи, по-новому смотреть на судьбу, предопределение и карму.

Монастырь располагался у подножия горы. Хотя в столице не было высоких гор, а монастырь не доходил и до середины склона, Е Тао был слаб здоровьем, и Чжоу Цзыцянь не хотел, чтобы у него опухли ноги, как морковки. Пройдя половину пути, он посадил племянника себе на спину.

Они вернулись в курортный посёлок к вечеру. Е Тао принял тёплый душ, а когда вышел из ванной, ужин уже был на столе. Чжоу Цзыцянь отложил прочитанное письмо и помахал ему.

— Баобао ещё не вернулся? — Е Тао сел за стол рядом с Чжоу Цзыцянем. Его бледное лицо

слегка порозовело после душа, а спокойные глаза и изящные черты лица создавали ощущение умиротворения.

Чжоу Цзыцянь наклонился и поцеловал его в нос:

— Этот маленький проказник заигрался, весь в пыли. Я попросил Сяо Чэна отвести его помыться.

После ужина Баобао всё ещё не вернулся. Е Тао хотел попросить Сяо Чэна привести его, но Чжоу Цзыцянь остановил его:

— Редко бывает, что он не шумит рядом, а ты его зовёшь.

Е Тао не стал настаивать. Он немного устал за день и хотел пораньше лечь спать, но сразу после еды это было невозможно, поэтому он с Чжоу Цзыцянем посмотрел фильм.

Они выбрали случайный фильм, действие которого происходило во время Второй мировой войны. Возможно, это было естественно, но большинство мужчин интересовались историей той войны, и Чжоу Цзыцянь не был исключением. Просматривая фильм, он комментировал и делился своими мыслями. Хотя Чжоу Цзыцянь не смог закончить учёбу из-за травмы, его знания и кругозор всё равно впечатляли Е Тао.

— Ты смотришь на меня, а не на фильм, — Чжоу Цзыцянь провёл пальцем по носу Е Тао. — Дядя красивее фильма?

Е Тао отвёл взгляд, зевнул и устроился среди подушек.

В комнате горела только настольная лампа, её тёплый свет был мягким и уютным.

Чжоу Цзыцянь смотрел на юношу, который полулежал среди подушек, его глаза были полузакрыты, и он напоминал спокойного и ленивого кота. Этот кот совсем не был ласковым: его можно было дразнить или уговаривать, но он лишь бросал пару взглядов. Однако, когда он чего-то хотел, ему даже не нужно было мяукать — достаточно было взглянуть, и ты давал ему то, что он просил. Это чувство было странным, но Чжоу Цзыцянь не сопротивлялся ему. Возможно, он даже не успел подумать, стоит ли сопротивляться.

— Дорогой, как ты стал таким интересным? — Чжоу Цзыцянь поцеловал Е Тао в лоб и вытащил его из подушек, усадив к себе на колени.

Е Тао немного поправил позу, устроился поудобнее и больше не двигался. Много в жизни становится привычным, и то, что раньше смущало Е Тао как «наследника», теперь казалось естественным.

Когда фильм закончился, Е Тао уже спал. Во сне он почувствовал, что его перемещают, приоткрыл глаза, увидел знакомую фигуру и снова закрыл их.

Чжоу Цзыцянь осторожно уложил Е Тао на кровать, посмотрел на его спокойное лицо и, чувствуя нежность, поцеловал его в маленькую родинку у глаза.

— Спокойной ночи, — тихо сказал он.